

К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ Г. ФРЕГЕ «СМЫСЛ И ДЕНОТАТ»

Немецкий логик Готлоб Фреге (1848-1925) принадлежит к числу тех ученых, идеи и труды которых с течением времени не тускнеют, а, напротив, приобретают все большее и большее признание. Именно Фреге внес в логику методы точного знания. Ему больше, чем кому-либо, обязана современная логика многими своими понятиями и конструкциями, позволившими ей выдвинуться на первый план при исследовании строения и преобразования информации, в частности, научной, и потому служить фундаментом теоретических основ информатики.

В 1879 г. Фреге в небольшой книге «Исчисление понятий. Формульный язык чистого мышления, построенный подобно арифметическому» впервые осуществил дедуктивно-аксиоматическое построение логики высказываний и логики предикатов. Впоследствии предложенный метод построения теории путем формальной дедукции был распространен им на арифметику.

В серии статей 1879-1904 гг. Фреге дал подробный анализ таких понятий, как «понятие», «переменная», «функция», «смысл», «истинностное значение» и др. В работах Фреге эти фундаментальные понятия впервые сделали предметом исследования, отвечающего современным представлениям об уровне строгости. Вот что пишет о Фреге Николай Бурбаки: «Его работы отличаются чрезвычайной точностью и подробностью анализа понятий. Следуя этой тенденции, он вводит множество различий, которые оказались столь важными в современной логике. Так например, именно он впервые указывает на различие между формулировкой высказывания и утверждением, что это высказывание истинно, между отношением принадлежности и отношением включения, между объектом x и множеством $\{x\}$, сводящимся к этому одному объекту» (Н. Бурбаки. Очерки по истории математики. Пер. с французского. М., 1963, с.19). Именно он извлек из употребления нечеткое понятие «переменного количества», предложив взамен представление о переменной как об особом рода знаке.

Фреге может быть по праву назван отцом современной логической семантики. К нему восходит представление о семантическом треугольнике, в одной из вершин которого располагается $и$ $я$ (представляющее собой выражение какого-либо языка), в другой – обозначаемая, или называемая, этим именем вещь (предмет имени, или денотат имени), в третьей – выражаемый этим именем смысл (смысл имени, он же концепт денотата). Ему же принадлежит распространение предложенной им теории имен на предложения, при котором предложение считается именем своего истинностного значения (которое, таким образом, объявляется денотатом предложения), а третьим членом – смыслом предложения – признается выражаемое предложением суждение. В этом

распространении по существу содержатся зачатки современных методов логического анализа естественного языка. Превосходное изложение теории имен Фреге (и некоторых других важных его идей) содержится во введении к монографии Алонзо Чёрча (А. Чёрч. Введение в математическую логику. Пер. с английского. М., 1960). Эта теория и сейчас является непревзойденным по своей строгости инструментом логического анализа информации. По существу она лежит также в основе понятийного аппарата современной теории моделей.

Идеи Фреге неоднократно излагались в советской логической литературе (см., например, Б. В. Бирюков. Теория смысла Готлоба Фреге. — В кн.: «Применение логики в науке и технике». М., 1960; Н. И. Стяжкин. Становление идей математической логики. М., 1964). Ниже приводится перевод знаменитой статьи Фреге «Смысл и денотат», более известной в русской литературе под названием «О смысле и значении», в которой автор предлагает свою теорию имен (включая номинативную теорию предложений). Статья датирована 1892 г.; кажется, что она написана вчера.

В. А. Успенский

Г. Фреге

СМЫСЛ И ДЕНОТАТ*

С понятием тождества¹ связан ряд вопросов, ответить на которые совсем не просто. Является ли тождество отношением? Если да, то является ли оно отношением между вещами или отношением между именами, или знаками, вещей? Для моего идеального языка [Begriffsschrift] я принял второе положение, в пользу которого говорит следующий факт: выражение $a = a$ и $a = b$ явно имеют разную познавательную ценность. Выражения вида $a = a$ (Кант назвал их аналитическими) истинны a priori, в то время как истинность выражений вида $a = b$ далеко не всегда очевидна, и именно поэтому в выражениях вида $a = b$ могут содержаться су-

* Gottlob Frege. Sinn und Bedeutung. — In: Frege G. Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien, p. 38-63. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 1962. Впервые работа была напечатана в «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik» № 100, 1892, п. 25–50, под названием «Über Sinn und Bedeutung». В настоящем издании звездочками отмечены примечания переводчика.

¹ Под тождеством здесь понимается идентичность: выражение $a = b$ означает: 'a — это то же самое, что b' или 'a и b совпадают'.

щественно обогащающие нас сведения. Обнаружение того обстоятельства, что каждое утро восходит одно и то же светило — солнце, а не разные, было в свое время одним из важнейших открытий астрономии; ведь даже теперь опознание астероидов или комет часто бывает сопряжено со значительными трудностями. Если же считать, что тождество — это отношение между вещами, обозначаемыми посредством букв a и b , тогда $a = b$ ничем не отличается от $a = a$ (если, конечно, $a = b$ истинно). Действительно, в этом случае $a = b$ выражало бы отношение вещи к самой себе и притом такое отношение, которое возможно только между вещью и ею же самой, но не между разными вещами. Однако, утверждая, что $a = b$, мы скорее имеем в виду, что знаки, или имена, a и b обозначают одно и то же, следовательно, речь идет именно об этих знаках, то есть отношением тождества связаны именно знаки. При этом имена (или знаки) находятся в указанном отношении лишь постольку, поскольку они что-то называют или обозначают: тождество двух знаков устанавливается путем соотнесения каждого из них с одним и тем же обозначаемым. А соотнесение это произвольно: ведь всякий имеет право считать любое произвольно выбранное событие или вещь знаком для чего угодно. Тогда получается, что выражение $a = b$ касается уже не сути дела, а только принятого нами способа обозначения: в таком случае с помощью подобных выражений мы не могли бы передавать полезную информацию. Однако ведь именно этого мы чаще всего и хотим. Когда знак a отличается от знака b только материально (в нашем случае — графически), а не по способу обозначения, познавательная ценность выражений $a = a$ и $a = b$ по существу одинакова (это верно, как уже отмечалось, лишь при условии, что $a = b$ истинно). Не так будет только в том случае, когда различия между знаками отражают различия в способах представления обозначаемого. Пусть a, b, c — прямые, соединяющие вершины треугольника с серединами противоположащих сторон; тогда справедливо (1)*:

(1) *Точка пересечения a и b совпадает с точкой пересечения b и c .*

Таким образом, одной точке соответствуют два разных обозначения или и м е н и. Эти имена (*точка пересечения прямых a и b , точка пересечения прямых b и c*) указывают и на разные спо-

* В оригинале сквозная нумерация примеров отсутствует.

собы представления обозначаемого; поэтому в предложении (1) заключено подлинное знание.

Таким образом, становится ясно, что знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать денотатом знака [Bedeutung]**, но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака [Sinn]; смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком. В нашем примере денотат выражений *точка пересечения прямых a и b* и *точка пересечения прямых b и c* одинаков, но смысл этих выражений разный. Точно так же, денотат выражений *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* одинаков, но смысл разный.

Из сказанного следует, что под знаком (или именем) я понимаю любое обозначение, выступающее в роли имени собственно-го; денотатом знака является определенная вещь (в самом широком смысле слова), но не понятие или отношение, которым будет посвящено отдельное исследование*. Обозначение одной вещи может состоять из нескольких слов или иных знаков. Для краткости мы будем называть такие обозначения именами собственными.

Чтобы понимать смысл имен собственных, требуется лишь в достаточной степени владеть соответствующим языком или знать совокупность обозначений, к которой принадлежит данное имя². Однако денотат имени (если он существует) оказывается при этом освещенным только с одной стороны. Чтобы познать некоторый денотат (то есть определенную вещь) со всех сторон, необходимо

** Буквальный перевод слова *Bedeutung* — значение, смысл. Однако, по ряду причин, главным образом потому, что здесь *Bedeutung* употребляется в смысле 'денотат', мы предпочли именно этот вариант перевода.

* Имеется в виду статья «Begriff und Gegenstand» (См. Frege G. Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien, p. 64–78. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 1962); нл. *fañöiyüdeë náíðíeë*, п. 380–396.

² По поводу того, что следует считать смыслом настоящих имен собственных, таких как, например, *Аристотель*, могут быть разные мнения. Можно, в частности, считать, что слово *Аристотель* имеет смысл 'ученик Платона и учитель Александра Великого'. Тот, кто придерживается такого мнения, извлечет из предложения (2) *Аристотель родился в Стагире* не тот же самый смысл, который извлечет из него человек, считающий, что слово *Аристотель* имеет смысл 'учитель Александра Великого, родившийся в Стагире'. Но до тех пор, пока значение имени остается одним и тем же, подобные колебания смысла допустимы, хотя в языках точных наук их следует избегать. В идеальном языке неопределенность смыслов тоже нежелательна.

для любого заданного смысла уметь решать, соответствует ли он данному денотату, а это, разумеется, в принципе невозможно.

В идеале соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал один определенный смысл, а всякому смыслу в свою очередь всегда соответствовал один определенный денотат; в то же время денотату (вещи) может соответствовать не один смысл, а несколько, и один и тот же смысл может выражаться разными знаками не только в разных языках, но и в пределах одного и того же языка. Разумеется, в действительности указанное соответствие часто нарушается. Как было только что сказано, в идеальной знаковой системе всякому выражению должен соответствовать только один определенный смысл; однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию: редко бывает так, чтобы слово всегда имело один и тот же смысл в разных контекстах. Далее, хотя можно предполагать, что любому грамматически правильному выражению, выступающему в роли имени собственного, всегда соответствует некоторый смысл, вовсе не всякому смыслу соответствует некоторый денотат. Например, выражение

(3) *наиболее удаленное от Земли небесное тело*
имеет вполне определенный смысл, но вряд ли у него есть денотат. Выражению

(4) *ряд, сходящийся медленнее любого другого ряда,*
также соответствует некоторый смысл, но денотата оно не имеет, так как можно доказать, что для любого сходящегося ряда найдется еще медленнее сходящийся ряд. Таким образом, даже если смысл имени очевиден, денотата у него может и не быть.

Когда мы употребляем слово обычным образом, его денотат — это то, что мы имеем в виду. Однако иногда нам требуется сказать что-либо о самих словах или об их смысле, например, когда мы передаем чужие слова посредством прямой речи. Тогда прямая речь, то есть произносимые нами слова, обозначает прежде всего «чужие слова» — слова другого лица, и только эти последние имеют обычный денотат. Слова в прямой речи — это знаки знаков. На письме в таких случаях изображения слов [Wortbilder] заключают в кавычки, а изображению слова, заключенному в кавычки, нельзя приписывать обычный денотат соответствующего слова.

Желая говорить о смысле выражения А, мы можем прибегнуть к словосочетанию *смысл выражения А*. Например, чтобы сооб-

щитить что-либо о смысле сказанного третьим лицом, мы пользуемся косвенной речью. Ясно, что и в этом случае словам, выступающим в косвенной речи, тоже нельзя приписывать их обычный денотат, ибо в роли последнего выступает их обычный смысл. Для краткости мы будем говорить, что в косвенной речи слова выступают в косвенном употреблении и имеют косвенный денотат. Таким образом мы будем различать у слов обычный денотат и косвенный денотат, обычный смысл и косвенный смысл. Косвенный денотат слова совпадает с его обычным смыслом. Возможность косвенного употребления слов надо постоянно иметь в виду при установлении соответствий между знаком, смыслом и денотатом.

Смысл и денотат знака следует отличать от соответствующего этому знаку представления. Если денотат знака — это вещь, данная нам в ощущениях, то мое представление об этой вещи есть внутренний образ, возникший у меня на основе моих впечатлений от этой вещи, а также в результате моей деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью³. Образ представления часто бывает пропитан эмоциями, отдельные его части могут быть более или менее расплывчатыми. Более того, не всегда, даже для одного человека, определенное представление связано только с одним смыслом. Представление (внутренний образ) всегда субъективно — оно меняется от человека к человеку. Отсюда проистекает многообразие различных представлений, сопряженных с одним и тем же смыслом. У художника, наездника и зоолога с именем *Буцефал* будут связаны, вероятно, очень разные представления. Этим представление существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием, а не просто частью опыта одного человека. Именно благодаря смыслам знаков человечество сумело накопить общий багаж знаний и может передавать его от поколения к поколению⁴.

Очевидно, что смысл можно рассматривать сам по себе, то есть можно говорить о смысле как таковом, в то время как, гово-

³ Мы можем объединить представления с восприятиями, для которых впечатления и акты поведения выступают вместо отпечатков, оставляемых ими в сознании. Для нас различие между представлениями и восприятиями несущественно, тем более, что в общую картину действительности, наряду с самими ощущениями и актами поведения, входят воспоминания о них. При этом восприятие можно рассматривать также и как вещь, поскольку вещи воспринимаются органами чувств и носят пространственный характер.

⁴ Поэтому нецелесообразно употреблять слово «представление» для столь разных понятий.

ря о представлении, необходимо уточнять, кому именно оно принадлежит и к какому времени относится. На это можно было бы возразить следующее: если считать, что разные люди могут связывать с одним и тем же словом разные представления, то почему не считать, что разные люди связывают с одним словом разные смыслы? Однако здесь есть отличие, состоящее в том, что указанные связи имеют разную качественную природу. Разные люди могут одинаково воспринимать один и тот же смысл, однако одинаковых представлений у разных людей быть не может. *Si duo idem faciunt, non est idem* (даже если два человека представляют себе одно и то же, у каждого будет свое собственное представление). Хотя иногда и удается уловить разницу между представлениями или восприятиями разных людей, точное сравнение представлений невозможно, так как разные представления нельзя иметь одновременно в одном сознании.

Денотат собственного имени — это, как мы уже говорили, сама вещь, которую оно обозначает. Что же касается представления, связанного с данным именем, то оно абсолютно субъективно. Между денотатом и представлением располагается смысл — не столь субъективный, как представление, но и не совпадающий с самой вещью, то есть с денотатом. Поясним это соотношение следующим примером. Допустим, что некто смотрит на Луну в телескоп. При этом имеют место два реальных изображения Луны: первое образуется на линзах внутри телескопа, а второе — на сетчатке глаза наблюдателя. Тогда саму Луну можно сопоставить с денотатом, первое изображение Луны — со смыслом, а второе — с представлением (или восприятием). Верно, что изображение в телескопе является односторонним и зависит от расположения телескопа, тем не менее, оно вполне объективно, поскольку его могут одновременно воспринимать несколько наблюдателей. Однако изображение Луны на сетчатке глаза у каждого будет свое. В силу разного строения глаз, вряд ли можно ожидать даже геометрического подобия изображений на двух разных сетчатках, а их полное совпадение совсем исключено. Наше сравнение можно было бы продолжить, предположив, что X может увидеть сетчатку глаза Y-а, или же что X может увидеть свою собственную сетчатку в зеркале. Таким образом, можно было бы показать, что и само представление может рассматриваться как вещь, то есть как предмет наблюдения. Заметим, однако, что представление в этом своем новом качестве воспринимается наблюдателем совсем не так, как оно воспринимается непосредственно субъектом пред-

ставления. Впрочем, продолжение этого сравнения может завести нас слишком далеко.

Итак, можно усматривать три степени различия между выражениями (словами, словосочетаниями и целыми предложениями): различие затрагивает либо только представление, либо смысл, но не денотат, либо, наконец, и смысл и денотат. Поскольку слово не имеет четкой связи с представлением, для первой степени могут существовать различия, улавливаемые одними, но не замечаемые другими говорящими.

Разница между переводом и оригиналом не должна, вообще говоря, выходить за пределы первой степени различия. Сюда же относятся различные нюансы и разная стилистическая окраска, которые придаются смыслу в поэзии и вообще в художественном тексте. Эти нюансы не объективны: читатель или слушатель должен сам воссоздавать их для себя по «намёкам» поэта или оратора. Если бы представления разных людей не были в достаточной степени сходны, словесное искусство, видимо, не могло бы существовать. Однако точно установить, насколько представления читателей отвечают замыслам автора, невозможно.

Ниже мы не будем больше рассматривать представления и восприятия. Мы коснулись их только для того, чтобы разяснить важное для нас различие между представлением, которое вызывается словом у слушающего, с одной стороны, и смыслом и денотатом слова, — с другой.

Для удобства дальнейшего изложения условимся говорить, что собственное имя (слово, знак, сочетание знаков, выражение) выражает свой смысл и обозначает, или называет, свой денотат.

Идеалисты и скептики, по-видимому, уже давно хотят возразить мне: «Можно ли так просто говорить о Луне, как о предмете? Откуда известно, что у имени Луна есть денотат, и более того — что вообще у какого бы то ни было имени есть денотат?» На это у меня есть ответ: когда мы произносим слово Луна, мы не имеем в виду обсуждать наше представление о Луне и не готовы удовлетвориться лишь смыслом этого слова; говоря о Луне, мы тем самым предполагаем, что соответствующий денотат существует. Утверждать, что в предложении

(5) *Луна меньше Земли*

речь идет о чьем-либо представлении о Луне, значит не считается со смыслом этого предложения. Если бы говорящий имел в виду свое представление о Луне, он употребил бы выражение *мое*

представление о Луне. Наше предположение о том, что у имени *Луна* есть денотат, может, конечно, оказаться неверным — такое уже случалось в истории науки. Однако на вопрос о том, не является ли вообще ошибочным предположение о наличии денотатов у каких-либо имен, можно и не отвечать. Достаточно сослаться на наше намерение говорить или рассуждать именно о денотате знака (делая при этом оговорку: если, конечно, таковой существует).

До сих пор мы занимались смыслом и денотатом только таких выражений, слов и знаков, которые мы определили как собственные имена. Займемся теперь вопросом о смысле и денотате целого повествовательного предложения. Такое предложение всегда содержит (выражает) некоторое суждение [Gedanke]⁵. Должны ли мы рассматривать это суждение как смысл или как денотат соответствующего предложения? Предположим, что у данного предложения есть денотат. Заменяем в нем некоторое слово на другое слово с тем же денотатом, но с другим смыслом; это никак не должно повлиять на денотат предложения в целом. Мы увидим, однако, что выражаемое предложением суждение изменится: так, например, в предложениях

(6) *Утренняя звезда — это небесное тело, освещаемое солнцем*
и

(7) *Вечерняя звезда — это небесное тело, освещаемое солнцем*
выражены разные суждения. Если не знать, что *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* суть имена одного и того же небесного тела, то одно суждение можно считать истинным, а другое ложным. Таким образом, суждение нельзя считать денотатом предложения; его надо рассматривать как смысл предложения. Но что же тогда считать денотатом предложения? И вообще, имеется ли у предложения какой бы то ни было денотат? Может быть, у предложения в целом есть только смысл, но нет денотата? Во всяком случае, можно ожидать, что найдутся предложения, которые — так же как и некоторые их части — имеют смысл, но не имеют денотата. К ним относятся, например, предложения, которые содержат собственные имена, не имеющие денотата. Предложение (8):

(8) *Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна*
очевидным образом имеет смысл. Но поскольку мы не знаем, есть ли денотат у имени *Одиссей*, мы вряд ли можем сказать, что таковой имеется у всего предложения. Ясно, однако, что тот, кто все-

⁵ Под суждением я понимаю не субъективную деятельность мышления, а его объективное содержание, способное быть достоянием многих.

рбез считает данное предложение истинным или ложным, считает также, что имя *Одиссей* имеет не только смысл, но и денотат, ибо именно денотату этого имени можно приписывать или не приписывать состояние, обозначенное в приведенном предложении соответствующим предикатом. Тот же, кто считает, что некоторый денотат не существует, не может ничего утверждать или отрицать относительно этого денотата. Можно было бы вообще считать, что доискиваться до денотата имени излишне: если бы нас интересовало только суждение, выраженное в предложении, можно было бы довольствоваться знанием смысла. Ведь если рассматривать только смысл предложения, то есть суждение, то незачем заниматься денотатами отдельных его частей; для смысла предложения важны только смыслы его частей, а не их денотаты; суждение не изменится от того, имеет слово *Одиссей* денотат или нет. Однако сам факт, что нас волнует вопрос о денотатах отдельных частей предложения, указывает на то, что мы в общем случае предполагаем наличие денотата и у предложения в целом. Суждение теряет для нас всякую ценность, как только мы замечаем, что какая-нибудь из его частей не имеет денотата. Поэтому наше стремление узнать не только смысл, но и денотат предложения вполне оправдано. Почему же нам так важно, чтобы у имени — составной части предложения — был не только смысл, но и денотат? Почему самого по себе суждения нам недостаточно? Потому и лишь потому, что нас интересует истинность суждений. Правда, истинность интересует нас далеко не всегда. Например, при чтении эпоса нас волнуют, наряду с красотой языка, только смысл предложений и вызываемые ими представления (образы) и чувства. Вопрос об истинности этих предложений увел бы нас из сферы художественного восприятия в сферу научных изысканий. Вот почему, коль скоро мы воспринимаем поэму Гомера только как художественное произведение, нам безразлично, в частности, имеет имя *Одиссей* денотат или нет⁶. Именно стремление установить истину и заставляет нас двигаться вперед, от смысла предложения к его денотату.

Итак, мы установили, что вопрос о денотате предложения тесно связан с вопросом о денотатах его частей, а этот вопрос можно

⁶ Желательно иметь для знаков, которые должны быть наделены только смыслом, особое название, например, «изображения» [Bilder]; тогда слова, произносимые актером на сцене, будут изображениями; более того, и сам актер будет изображением.

ставить тогда и только тогда, когда нас интересует, истинно предложение или ложно.

Мы вынуждены, таким образом, признать, что денотатом предложения является его истинностное значение [Wahrheitswert] — «истина» или «ложь»; других истинностных значений не бывает. Всякое повествовательное предложение, в зависимости от денотатов составляющих его слов, может, таким образом, рассматриваться как имя, денотатом которого (если, конечно, он существует) будет либо истина, либо ложь. Обе эти абстрактные вещи (истина и ложь) признаются, хотя бы молчаливо, всеми, кто вообще делает какие-либо утверждения или считает хотя бы что-нибудь истинным, то есть даже самыми последовательными скептиками. То, что мы считаем истинностное значение вещью, может показаться неоправданным произволом, пустой игрой слов, из которой нельзя извлечь никаких интересных следствий. Уточнить, что именно понимается здесь под вещью, можно только через понятие и отношение*. Тем не менее, сейчас должно быть ясно, что в любом утверждении [Urteil]⁷ уже сделан шаг от мысли (суждения) к денотату (то есть к объективному содержанию высказывания).

Можно попытаться рассмотреть отношение суждения к истинности не как отношение смысла к денотату, а как отношение субъекта к предикату. Так, можно сказать:

(9) *Суждение, что 5 — простое число, истинно.*

Однако, если вдуматься в сказанное, то становится очевидным, что мы не сказали ничего сверх того, что уже сказано в простом предложении:

(10) *5 — простое число.*

Утверждение истины в обоих заложено в самой форме повествовательного предложения, причем даже в тех случаях, когда эта форма лишена своей обычной утвердительной силы, например, если предложение (9) произнесено актером со сцены, оно выражает только одно суждение, то же самое суждение, что и предложение (10). Отсюда следует, что между суждением и его истинностным значением имеет место совсем не то же отношение, что между субъектом и предикатом. Субъект и предикат (в логическом смысле этих терминов) являются частями суждения и нахо-

* См. статью «Begriff und Gegenstand», упомянутую в примечании переводчика на с. 354.

⁷ Слово «утверждение» я понимаю не просто как понимание некоторого суждения [Gedanke], но и как признание его истинности, то есть как его принятие.

дятся на одном и том же уровне с точки зрения познания: соединя субъект с предикатом, мы всегда получаем тем самым суждение, но не совершаем перехода от смысла к денотату, или от суждения к его истинностному значению. Соединя субъект с предикатом, мы остаемся на том же самом уровне, не переходя на следующий. Истинностное значение не может быть частью суждения, поскольку оно — не смысл, а вещь, точно так же, как не может быть, скажем, частью суждения о Солнце само Солнце.

Если наше предположение о том, что денотатом предложения является его истинностное значение [Wahrheitswert] верно, то последнее не должно изменяться, если какую-нибудь часть предложения заменить выражением, тождественным ей по денотату, но отличным по смыслу. Это действительно так и есть. Лейбниц писал по этому поводу: «Eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt, salva veritate»^{*}. Что же еще, кроме истинностного значения, может быть в общем случае приписано всякому предложению, что так тесно связано с денотатами его частей и не зависит от подстановок указанного типа?

Если же денотатом предложения является его истинностное значение, то все истинные предложения, с одной стороны, и все ложные предложения, с другой, будут иметь один и тот же денотат: все первые обозначают «истину», все вторые — «ложь». Отсюда видно, что в денотате предложения все частное стирается. Поэтому денотат сам по себе нас не интересует; однако и суждение, взятое в отрыве от денотата, т. е. смысл сам по себе, тоже не несет в себе нового знания. Этим свойством обладает только соединение суждения и его денотата (истинностного значения). Утверждение можно рассматривать как переход от суждения к его истинностному значению. Это, разумеется, нельзя считать определением утверждения. Утверждение представляет собой нечто особое и ни с чем не сравнимое. Впрочем, можно было бы сказать, что утверждение обязательно связано с разбиением истинностного значения на некоторые части. Это разбиение выполняется на основе обращения к суждению. При этом каждому смыслу, имеющему некоторое истинностное значение, соответствует свое особое разбиение этого истинностного значения на части. (Слово *часть* [Teil] употребляется здесь достаточно необычным образом, а именно: отношение между предложением и его частью

^{*} «Два выражения считаются одинаковыми, если они всегда могут подставляться одно вместо другого, причем истинность целого не изменяется».

переносится на денотат предложения; тем самым денотат слова мыслится как часть денотата всего предложения, если само это слово является частью предложения. Такое словоупотребление, очевидно, не вполне корректно, так как денотат целого и какой-либо его части еще не определяет денотата остальной части, а также и потому, что применительно к физическим телам слово *часть* употребляется в другом смысле. Для данного понятия следовало бы найти другое выражение).

Продолжим анализ нашего предположения о том, что денотатом предложения является его истинностное значение. Мы уже видели, что при замене некоторой части предложения на выражение, имеющее тот же денотат, денотат целого предложения не изменяется. Мы, однако, не рассмотрели при этом случая, когда в предложение подставляется целое другое предложение. Если наша основная гипотеза верна, то истинностное значение предложения, включающего некоторое другое предложение, не изменится, если мы заменим включенное предложение на предложение с тем же самым истинностным значением. Иначе дело может обстоять лишь тогда, когда исходное целое предложение или его заменяемая часть являются прямой или косвенной речью: ведь в прямой и косвенной речи слова, как мы уже отмечали, не имеют обычного денотата; денотатом предложения в прямой речи является также некоторое предложение, а в косвенной речи — некоторое суждение.

Таким образом, теперь нам необходимо заняться придаточными предложениями. Последние являются частями сложно-подчиненного предложения, которое с логической точки зрения эквивалентно независимому предложению. Здесь перед нами встает следующий вопрос: будет ли денотат придаточного предложения также сводиться к его истинностному значению или нет? Мы уже выяснили, что для косвенной речи это не так. Рассмотрим другие типы придаточных.

Грамматисты считают, что придаточные предложения синтаксически эквивалентны членам предложения и делят их соответственно на три класса: 1) дополнительные и подлежащие придаточные, или «предложения-существительные» [Nennsdtze], 2) определительные придаточные или «предложения-прилагательные» [Beisdtze] и 3) обстоятельственные придаточные, или «предложения-наречия» [Adverbsdtze]. Можно предположить, что денотатом придаточного предложения будет не его истинностное значение (как это бывает у независимых предложений — простых и взятых

целиком сложноподчиненных), а то же самое, что обычно обозначают существительные, прилагательные или наречия, то есть члены предложения; напомним, что смыслом члена предложения является не полное суждение, а только часть суждения, и что, следовательно, смыслом придаточного также может быть лишь часть суждения. Данный вопрос требует специального исследования, к которому мы и приступим. При этом мы не будем придерживаться сугубо грамматической точки зрения, а разберем явления, общие для логики и для грамматики. Выясним, для начала, в каких случаях смысл придаточного предложения — в соответствии с нашим предположением — не является самостоятельным суждением.

К дополнительным придаточным предложениям, вводимым союзом *что*, относится и косвенная речь, в которой, как уже говорилось, слова имеют косвенный денотат, совпадающий с их обычным смыслом. В этом случае денотатом придаточного предложения будет не его истинностное значение, а некоторое суждение; смыслом же придаточного будет не само это суждение, а смысл слов *суждение, что...*, составляющий только часть суждения, выраженного целым сложноподчиненным предложением. Такие придаточные выступают при глаголах и глагольных словосочетаниях типа *говорить, думать, слышать, заключать, быть убежденным* и т. п.⁸ Придаточные же при глаголах типа *признавать, знать, вообразить* и т. п. ведут себя по-другому; ими мы займемся позже.

То, что в рассмотренных случаях денотатом придаточного, действительно, является определенное суждение, подтверждается еще и следующим: для истинности целого сложноподчиненного предложения безразлично, истинно или ложно суждение, выраженное в придаточном. Сравним, например, два предложения:

(11) *Коперник думал, что орбиты планет являются окружностями;*

(12) *Коперник думал, что впечатление, будто Солнце движется, создается за счет движения Земли.*

В (11) и (12) можно свободно поменять местами придаточные предложения, и это никак не повлияет на истинность предложений (11) и (12) в целом. Главное предложение вместе с придаточным выражает только одно суждение, и истинность целого слож-

⁸ В предложении *А солгал, что он видел В* придаточное выражает некоторое суждение, о котором говорится, во-первых, что *А* утверждает, будто оно истинно, а во-вторых, что *А* в действительности убежден, что оно ложно.

ноподчиненного предложения не зависит от истинности или ложности его придаточного. Однако в самом придаточном в этих случаях нельзя заменить некоторое выражение на другое выражение, имеющее тот же самый обычный денотат; его можно заменить только выражением с тем же самым косвенным денотатом, то есть с тем же самым обычным смыслом. Здесь можно возразить, что денотатом предложения вообще не может считаться его истинностное значение, поскольку, если бы это было так, то любое предложение всегда можно было бы заменить на любое другое с тем же самым истинностным значением. Очевидно, однако, что это — слишком сильное утверждение; с таким же успехом можно утверждать, что денотатом выражения *Утренняя звезда* не является планета Венера, так как это выражение далеко не всегда можно заменить словом *Венера*. Мы можем сделать лишь более слабое утверждение: точно так же, как выражение *Утренняя звезда* не всегда обозначает планету Венеру (а именно, *Утренняя звезда* не обозначает Венеру в тех случаях, когда это выражение употреблено с косвенным денотатом), денотатом предложения не всегда бывает его истинностное значение. Примером являются придаточные предложения в (11) и (12): их денотатом является суждение.

Когда произносят *Кажется, что...*, то имеют в виду *Мне кажется, что...* или *Я думаю, что...*, поэтому денотатом придаточного дополнительного при глаголе *казаться* также оказывается соответствующее суждение. Аналогично обстоит дело с придаточным при глаголах *радоваться*, *жалеть*, *одобрять* (*тот факт, что...*), *порицать* (*тот факт, что...*), *надеяться*, *бояться*. Когда Веллингтон в конце битвы при Ватерлоо обрадовался тому, что пруссаки уже близко, основанием для его радости была убежденность в приближении прусских войск. Если бы он ошибался, то радовался бы не меньше, — разумеется, до тех пор, пока его не убедили бы в обратном. До того, как Веллингтон поверил в то, что пруссаки идут ему на помощь, он не мог радоваться этому (даже если бы в действительности они были уже совсем близко).

Точно так же, как некоторые убеждения или какая-либо вера лежат в основе наших чувств, они могут лежать и в основе других убеждений, например, когда мы делаем умозаключения. В предложении

(13) *Колумб решил, что если Земля — шар, то продвигаясь все время на запад, он сможет достичь Индии*

денотатами его частей являются два следующих утверждения:

(14) *Земля — шар;*

(15) *Продвигаясь все время на запад, Колумб сможет достичь Индии.*

Предложение (13) означает, что Колумб был убежден и в том, и в другом, причем убежденность в том, что (14) истинно, послужила основанием для убежденности в истинности (15). Для истинности всего предложения (13) не важно, является ли в действительности Земля шаром, и действительно ли мог Колумб, плывя все время на запад, достичь Индии. Но истинность этого предложения изменится, если мы заменим в нем слово *Земля* на выражение *планета, имеющая спутник, диаметр которого больше четверти ее собственного диаметра*. Здесь мы опять имеем пример употребления слов с косвенным денотатом.

Обстоятельственные придаточные цели с союзом (*для того чтобы*) также относятся к описанному типу, поскольку цель в данном случае — это тоже некоторая мысль (суждение); поэтому в придаточных цели слова также имеют косвенный денотат и употребляется сослагательное наклонение.

Придаточные с союзом *чтобы* при глаголах типа *приказывать* или *просить* в прямой речи становятся повелительными предложениями. Такие придаточные имеют только смысл, но не имеют денотата. Приказ или просьба не являются суждениями, однако они находятся на одном уровне с суждениями. Поэтому слова, которые входят в придаточное дополнительное при глаголе типа *приказывать, просить* и т. п., имеют косвенный денотат. Денотатом такого придаточного является не истинностное значение, а приказ, просьба и т. п.

Так же обстоит дело с косвенными вопросами — придаточными дополнительными при глаголах типа *сомневаться* (*сомневаюсь, захочет ли он...*), *не знать* (*не знаю, что он делает*) и т. п. Очевидно, что и здесь слова употреблены с косвенным денотатом. Подобные придаточные, вводимые союзными (относительно-вопросительными) словами *кто, что, где, когда, как* и т. п. (или частицей *ли*), часто похожи на обстоятельственные придаточные, в которых слова употребляются с их обычным денотатом. Однако, например, в немецком языке косвенно-вопросительные и обстоятельственные придаточные различаются при помощи наклонения; в косвенных вопросах, где слова имеют косвенный денотат и где собственное имя не всегда можно заменить на другое имя с тем же денотатом, употребляется конъюнктив, в придаточных обстоятельственных — индикатив.

В рассмотренных до сих пор случаях слова в придаточных предложениях имели косвенный денотат, и это позволяло нам заключить, что всё придаточное тоже имеет косвенный денотат, то есть что его денотатом является не истинностное значение, а суждение, приказ, просьба или вопрос. Такое придаточное предложение можно трактовать как существительное, т. е. как собственное имя этого суждения, этого приказа и т. д.; именно в качестве собственного имени данное придаточное и входит в сложноподчиненное предложение.

Обратимся теперь к таким придаточным предложениям, в которых слова имеют обычный денотат, но смысл которых тем не менее не сводим к суждению, а денотат — к истинностному значению. Начнем с простого примера:

(16) *Der die elliptische Gestalt der Planetenbahnen entdeckte, starb im Elend.*

(16') букв. *Кто открыл эллиптическую форму планетных орбит, умер в нищете* (= *Тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса, умер в нищете*).

Если бы смыслом придаточного подлежащего здесь было некоторое суждение, тогда то же самое суждение можно было бы выразить и посредством независимого предложения. Однако это оказывается невозможным, так как грамматическое подлежащее придаточного *der* 'кто' не имеет собственного смысла: оно лишь выражает связь между придаточным и главным предложением. Отсюда следует, что смысл придаточного в данном случае не является независимым суждением, а его денотат не равен его истинностному значению: денотатом в данном случае будет Кеплер. Здесь можно возразить, что смысл целого (то есть предложения (16)) все-таки включает в себя суждение 'Существовал тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса', ибо всякий, кто признает предложение (16) истинным, не может отрицать это суждение. Несомненно, что это так и есть, но лишь в силу того, что в противном случае выражение

(17) *кто открыл эллиптическую форму планетных орбит* (= *тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса*) не имело бы денотата. Если мы беремся утверждать что-либо, то мы всегда заранее предполагаем, что употребленные нами простые и сложные собственные имена все без исключения имеют денотат. Если, например, мы утверждаем:

(18) *Кеплер умер в нищете,*

то при этом исходим из предпосылки^{*}, что имя *Кеплер* обозначает нечто; но именно поэтому мы не можем считать, что в смысл предложения (18) входит суждение 'имя Кеплер обозначает нечто'. Если бы это было так, то отрицанием этого предложения было бы не (19), а (20):

(19) *Кеплер не умер в нищете;*

(20) *Кеплер не умер в нищете, или имя Кеплер ничего не обозначает.*

То, что имя *Кеплер* имеет денотат, является предпосылкой [Voraussetzung] как для утверждения (18), так и противоположного ему утверждения (19).

В данной связи возникает следующая трудность. Естественные языки обладают тем недостатком, что они допускают выражения, которые облечены в правильную грамматическую форму и потому представляются имеющими некоторый денотат (как бы обозначают некоторую вещь), хотя в действительности денотата у них может и не быть, так как это зависит от истинности некоторого другого предложения. Так, наличие или отсутствие денотата у выражения:

(21) *тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса,*

зависит от истинности предложения:

(22) *Существовал тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса.*

У выражения (21) в принципе может и не быть никакого денотата, хотя сначала кажется, что таковой есть всегда. Точно так же может показаться, что в смысл выражения (21) входит суждение 'Тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса, действительно существовал'. Однако, если бы это было так, то отрицанием предложения (16) было бы предложение:

(23) *Тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса, не умер в нищете, или тот, кто открыл, что орбиты планет имеют форму эллипса, не существовал.*

Причина указанного осложнения кроется в несовершенстве естественного языка. Впрочем, этот недостаток присущ в какой-

^{*} Здесь Г. Фреге пользуется словами *voraussetzen/Voraussetzung*, обозначающими понятие, близкое (или, может быть, даже тождественное) понятию пресуппозиции, широко используемому в современной лингвистике. В английском переводе данной статьи применен термин *presupposition* (см.: Frege G. On sense and reference. — In: Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege. P. Geagh, M. Black [eds.]. Oxford, 1952, п. 56-78).

то степени и знаковой системе математического анализа: здесь мы тоже встречаем выражения, которые внешне выглядят так, как будто они что-то обозначают, однако в действительности (по крайней мере до сих пор) денотат их неизвестен, например: *сумма бесконечного расходящегося ряда*. Этого можно избежать, если особым соглашением приписать данному выражению денотат «0» (ноль). В идеальном языке [Begriffsschrift] любое грамматически правильное выражение, построенное из ранее определенных знаков, которое вводится в качестве собственного имени, должно обязательно обозначать нечто, и всякий новый знак может вводиться в качестве собственного имени лишь при условии, что ему уже обеспечен некоторый денотат. Известно, что в логике недопустима неоднозначность выражений, ибо она является источником логических ошибок. Я полагаю, что не менее опасны ничего не обозначающие псевдоимена. История математики знает много заблуждений, возникших из-за псевдоимен. Псевдоимена, по видимому, даже в большей степени, чем неоднозначные выражения, способствуют демагогическому злоупотреблению языком. Таково, к примеру, выражение *воля народа*, которое очевидным образом не имеет (во всяком случае, общепринятого) денотата. Поэтому мне представляется исключительно важным закрыть этот источник заблуждений — по крайней мере, в науке — раз и навсегда. Тогда трудностей упомянутого типа можно будет не опасаться, поскольку наличие или отсутствие денотата у собственного имени никогда не будет зависеть от истинности соответствующего суждения.

Рассмотрим теперь, наряду с придаточными, замещающими существительные, некоторые виды придаточных, замещающих прилагательные и наречия, тесно связанные с первыми в логическом отношении.

Придаточные, замещающие прилагательные, служат средством образования сложных собственных имен, хотя одного такого придаточного, в отличие от придаточного, замещающего существительное, для этого недостаточно.

Подобные придаточные ведут себя в этом отношении как прилагательные: так, вместо (24) *тот квадратный корень из 4, который меньше нуля*, можно сказать (25) *отрицательный квадратный корень из 4*. Здесь сложное собственное имя стоит в единственном

числе^{*}, а это указывает на то, что данному понятию соответствует одна и только одна вещь⁹. Собственные имена могут строиться таким образом, что видовые признаки соответствующих понятий выражаются посредством определительных придаточных, как и в нашем примере (24) — посредством придаточного *...который меньше нуля*. Очевидно, что смыслом такого определительного придаточного (так же, как и смыслом придаточного подлежащего в (16)) не может быть полное суждение, и денотат его не равен истинностному значению. Смыслом его является только часть суждения, которая в ряде случаев может быть выражена одним прилагательным. В этом случае, как и в случае с придаточными-существительными (того типа, который мы видим в (16)), придаточное не имеет семантически самостоятельного подлежащего и, следовательно, передать смысл такого придаточного посредством независимого предложения невозможно.

Точки в пространстве (места) и во времени (моменты), а также отрезки времени с логической точки зрения являются вещами. Следовательно, обозначения в языке определенного места, момента или отрезка времени следует рассматривать как собственные имена. Поэтому обстоятельственные придаточные места и времени тоже могут использоваться как собственные имена — точно так же, как рассмотренные выше придаточные, замещающие существительные и прилагательные. Таким же образом могут быть образованы обозначения для понятий локализации и т. д. Заметим, что и тут смысл придаточных не может быть передан отдельным независимым предложением, так как в этих придаточных отсутствует важная составная часть — точное описание места или времени, а имеется лишь ссылка на место или время, выраженная относительным местоимением¹⁰.

^{*} В немецком языке соответствующие выражения оформлены определенным артиклем: *die Quadratwurzel aus 4, die kleiner ist als 0 = die negative Quadratwurzel aus 4*.

⁹ В соответствии с высказанными выше замечаниями, всякому подобному выражению, то есть собственному имени в единственном числе (и с определенным артиклем — в языке, где есть артикли), в тех случаях, когда ему соответствует более одной вещи или ни одной вещи, следует особым соглашением приписывать некоторое значение, положив, например, что его значением будет число ноль.

¹⁰ Предложения с придаточными места и времени можно, вообще говоря, трактовать по-разному. Смысл предложения:

(26) *После того, как Шлезвиг-Гольштейн был отторгнут от Дании, возник конфликт между Пруссией и Австрией*
можно выразить и посредством

В условных придаточных, как и в придаточных дополнительных и придаточных-подлежащих (существительных), определительных (прилагательных) и обстоятельственных (наречиях), чаще всего имеется неопределенно-указательный компонент, которому соответствует некоторый аналогичный компонент в главном предложении; с помощью этих неопределенно-указательных компонентов оба предложения и объединяются в одно целое, которое выражает обычно только одно суждение. В предложении

(28) *Если некоторое число меньше единицы и больше нуля, то квадрат его тоже меньше единицы и больше нуля*

такими компонентами являются выражения *некоторое число* в условном придаточном и местоимение *его* в главном предложении.

Именно благодаря неопределенности выражения *некоторое число* предложение (28) приобретает общий характер, который мы вправе ожидать от формулировки закона. Но как раз поэтому смыслом условного придаточного предложения не может быть полное суждение; оно вместе со своим главным предложением выражает одно-единственное суждение, части которого суждениями уже не являются. В общем случае неверно, что условное утверждение состоит из двух взаимозависимых утверждений. Говорить так — значит употреблять слово *утверждение* [Urteil] в том смысле, в котором я употребляю слово *суждение* [Gedanke], так что в действительности следовало бы сказать: «условное суждение состоит из двух взаимозависимых суждений». Однако это верно лишь тогда, когда в предложении отсутствует неопределенно-указательные

(27) *После отторжения Шлезвиг-Гольштейна от Дании между Пруссией и Австрией возник конфликт.*

Это ясно показывает, что суждение ‘В какой-то момент Шлезвиг-Гольштейн был отторгнут от Дании’ не входит в смысл всего предложения, а является необходимой предпосылкой для того, чтобы выражение *после отторжения Шлезвиг-Гольштейна от Дании* вообще имело какое-то значение. Можно, конечно, понять это предложение по-другому: считать, что в нем выражен тот факт, что Шлезвиг-Гольштейн был когда-то отторгнут от Дании; этот случай мы рассмотрим ниже. Чтобы лучше понять интересующее нас различие, представим себе китайца, который имеет весьма слабое представление об истории Европы и поэтому считает, что неверно, что Шлезвиг-Гольштейн был отторгнут от Дании. Для такого китайца предложение (26) не будет ни истинным, ни ложным: он просто не припишет ему никакого денотата, поскольку денотат отсутствует у входящего в его состав придаточного (которое лишь создает иллюзию временной детерминации). Если же наш китаец понял бы предложение (26) вторым способом, то он счел бы, что в (26) выражается одно, заведомо ложное суждение плюс еще нечто, вообще не имеющее денотата.

компоненты¹¹, а в этом случае предложение не имеет характера общего утверждения.

Когда в условном придаточном и в соответствующем ему главном предложении надо указать на некоторый неопределенный момент времени, то это часто делается только с помощью настоящего времени глагола, которое в этом случае не указывает на одновременность описываемого события и момента речи. В таком случае эта грамматическая форма сама выступает в роли неопределенно-указательного компонента, как в примере:

(29) *Если солнце находится над Тропиком Рака, то в северном полушарии — самый длинный день.*

Здесь также невозможно выразить смысл придаточного посредством независимого простого предложения, так как этот смысл не представляет собой самостоятельного суждения. Ибо, если мы скажем: *Солнце находится над Тропиком Рака*, то это означает, что солнце находится над Тропиком Рака именно в данный момент, а это не тот смысл, который был выражен придаточным в предложении (29). Смысл главного предложения в (29) также не представляет собой самостоятельного суждения; суждение выражает только все предложение (29) целиком (главное плюс условное придаточное). Отметим, что в условном придаточном и в соответствующем ему главном предложении может быть несколько общих неопределенно-указательных компонент.

Весьма интересно, что придаточные-«существительные» с *кто* и *что* и придаточные-«наречия» с *где*, *когда*, *где бы ни*, *когда бы ни* и т. п. по смыслу часто эквивалентны условным придаточным, например:

(30) *Кто с грязью играет, лишь руки марают.*

Определительные придаточные также могут выступать в роли условных. Так, смысл предложения (28) можно выразить и в такой форме:

(31) *Квадрат любого числа, которое меньше единицы и больше нуля, меньше единицы и больше нуля.*

Совсем иначе дело обстоит в том случае, когда общая часть главного и придаточного предложения выражена собственным именем. В предложении:

(32) *Наполеон, который понял опасность, грозящую его правому флангу, сам повел свою гвардию на врага*

¹¹ Иногда такое указание в самом тексте отсутствует и его надо выводить из контекста.

выражены два следующих суждения:

(32i) *Наполеон понял опасность, грозящую его правому флангу;*

(32ii) *Наполеон сам повел свою гвардию на врага.*

Когда и где все это произошло, можно узнать только из контекста целого предложения, но мы будем считать, что в контексте это уточнено. Если данное предложение произносится как утверждение, то и оба входящих в него предложения (*Наполеон ... сам повел свою гвардию на врага* и *который понял опасность, грозящую его правому флангу*) оказываются утверждениями. Если одно из них ложно, то и всё предложение ложно. В этом случае смыслом придаточного предложения будет полное суждение (если только мы уточним при этом место и время). Следовательно, денотатом придаточного здесь будет истинностное значение. Тогда мы можем ожидать, что вместо него можно подставить любое другое придаточное определительное с тем же истинностным значением, и это никак не повлияет на истинность всего предложения в целом. Это действительно так. В силу чисто грамматических соображений подлежащим подставляемого придаточного должно быть слово *Наполеон*; если же не требовать, чтобы подставляемое предложение обязательно было придаточным определительным, и согласиться на присоединение его как однородного с союзом *и*, то это ограничение отпадает.

Уступительные придаточные с союзами типа *хотя* тоже выражают самостоятельные суждения. Союз *хотя* не имеет собственного смысла и не меняет смысла вводимого им предложения; он просто освещает смысл вводимого предложения особым образом¹². Мы всегда можем, не нарушая истинности целого, заменить одно уступительное придаточное другим с тем же истинностным значением; при этом, однако, то «освещение», которое придает смыслу придаточного уступительный союз, может оказаться неуместным — точно так же, как неуместно петь песню с грустным содержанием на веселый мотив.

В последних разобранных случаях истинность целого сложно-подчиненного предложения предполагает истинность составляющих его предложений. Иначе обстоит дело тогда, когда условное придаточное выражает самостоятельное суждение, но вместо неопределенно-указательного компонента содержит собственное имя или нечто сходное с ним в интересующем нас отношении. Так, в предложении

¹² Аналогично ведут себя союзы *но*, нем. *aber* 'но', *doch* 'но, все же'.

(33) *Если солнце сейчас уже на небе, то небо покрыто тучами*

грамматическое настоящее время и слово *сейчас* указывают на одновременность описываемых событий и момента речи, следовательно, здесь время можно считать определенным. Место описываемых событий также можно считать определенным. Тогда об этом предложении можно сказать, что истинностные значения условного придаточного, с одной стороны, и главного — с другой, связаны между собой следующим образом: (33) ложно, если придаточное истинно, а главное — ложно. Таким образом, предложение (33) истинно как в том случае, если солнце сейчас еще не на небе (небо при этом может быть каким угодно — облачным или ясным), так и в том случае, если солнце уже на небе, и небо действительно покрыто тучами. Поскольку из этого следует, что в данном случае важны только истинностные значения, то и главное, и придаточное можно заменить на любое другое предложение с тем же истинностным значением, не нарушая истинности целого. Разумеется, и здесь «освещение» смысла может оказаться неуместным (например, высказанное суждение получится нелепым); чтобы избежать этого, сопутствующие суждения [Nebengedanken] — которые самостоятельно в предложении не выражены и поэтому непосредственно в смысл всего предложения не входят, так что их истинностные значения роли не играют, — должны быть «созвучны» основным суждениям, выраженным в предложении¹³.

На этом можно закончить разбор простых случаев. Резюмируем вкратце то, что мы о них узнали. Смыслом придаточного предложения обычно бывает не суждение, а только часть некоторого суждения; следовательно, в этих случаях денотатом придаточного предложения его истинностное значение быть не может. Это объясняется одним из двух следующих факторов: либо в придаточном предложении слова имеют косвенный денотат и, следовательно, выраженное в нем суждение оказывается не его смыслом, а его денотатом; либо придаточное предложение несамостоятельно ввиду наличия в нем неопределенно-указательного элемента, и только объединение придаточного и главного предложения, т. е. сложноподчиненное предложение в целом, выражает самостоятельное суждение. Бывает, впрочем, и так, что при-

¹³ Суждение, содержащееся в (33), можно было бы выразить еще и так:

(34) *Либо солнце сейчас еще не на небе, либо небо покрыто тучами.*

Из этого видно, как надо трактовать сложные выражения такого рода.

точное предложение все же выражает самостоятельное суждение; тогда вместо него можно подставить другое предложение с тем же истинностным значением (если только при этом не возникнут препятствия чисто грамматического характера), и это никак не отразится на истинности всего сложноподчиненного предложения.

Легко заметить, однако, что не все придаточные предложения укладываются в предложенную схему. Причина этого, насколько я могу судить, кроется в том, что не у всех придаточных смысл достаточно прост и прозрачен. Почти всегда, как мне кажется, мы связываем с высказываемым нами главным суждением ряд сопутствующих (побочных) суждений, которые выводятся слушающим из наших слов в соответствии с законами психологии, хотя формально (то есть эксплицитно) эти сопутствующие суждения в высказывании не выражены. Поскольку, однако, они связаны с нашими словами почти столь же тесно, как и само главное суждение, их тоже приходится считать содержащимися в предложении. В силу этого смысл предложения становится богаче, и часто в сложном предложении оказывается больше простых суждений, чем простых предложений. Однако для правильного понимания предложения учет сопутствующих суждений необходим отнюдь не всегда; нередко трудно решить, входит ли данное суждение в смысл предложения или просто «сопутствует» ему¹⁴. Так, создается впечатление, что в предложении (32) выражены не только те два суждения (32i) и (32ii), о которых мы говорили выше, но и еще одно суждение:

(32iii) *Понимание Наполеоном опасности было причиной того, что он сам повел свою гвардию на врага.*

Тем не менее, здесь можно и усомниться в том, что это суждение именно *выражено* в предложении, а не просто, так сказать, слегка затронуто им.

Чтобы выяснить это, зададимся вопросом, могли ли бы мы сказать то же самое, если бы Наполеон принял свое решение (повести гвардию в атаку) еще до того, как он осознал грозящую его правому флангу опасность. Если бы предложение (32) и тогда было истинным, то это значило бы, что сопутствующее суждение (32iii) не входит в его смысл, т. е. не выражено в нем. Скорее всего следует принять именно такое решение, поскольку в против-

¹⁴ Это может быть существенным, например, тогда, когда мы хотим выяснить, является ли данное утверждение клятвой, лжеприсягой или просто ложью.

ном случае наше описание оказалось бы более сложным: в предложении (32) простых суждений было бы больше, чем простых предложений. Если в (32) заменить предложение:

(35) *Наполеон понял опасность, грозящую его правому флангу* на предложение с тем же истинностным значением, например, на предложение:

(36) *Наполеону было уже больше 45 лет,*

то это скажется не только на суждении (32i), но и на суждении (32iii), у которого может даже измениться истинностное значение, так как очевидно, что возраст не мог заставить Наполеона принять решение самому повести свою гвардию на врага. Отсюда понятно, почему в таких случаях вместо данного придаточного не всегда можно подставить другое, пусть даже с тем же истинностным значением.

Дело в том, что здесь придаточное предложение — именно благодаря соединению с другим, а именно — с главным предложением, выражает больше, чем оно выражало бы в изоляции, то есть взятое само по себе.

Рассмотрим еще несколько примеров только что охарактеризованного явления. В предложении

(37) *Бebelь воображает, что возвратом Эльзаса и Лотарингии можно утолить жажду мести со стороны Франции* выражены два суждения — (37i) и (37ii), однако их невозможно распределить между частями предложения (37) так, чтобы одно суждение было отнесено к главному, а другое — к придаточному предложению.

(37i) *Бebelь думает, что возвратом Эльзаса и Лотарингии можно утолить жажду мести со стороны Франции;*

(37ii) *Возвратом Эльзаса и Лотарингии утолить жажду мести со стороны Франции невозможно.*

В (37i) слова, входящие в придаточное предложение, имеют косвенный денотат, тогда как в (37ii) те же самые слова имеют обычный денотат. Отсюда следует, что в сложноподчиненном предложении (37) придаточное предложение фигурирует как бы дважды, и притом — с разными денотатами: в первом случае его денотатом является суждение, во втором — истинностное значение. Поскольку, однако, денотат придаточного не сводится полностью к истинностному значению, мы не можем подставить вместо него любое другое придаточное с тем же истинностным значением. Аналогично ведут себя сложноподчиненные предложения со словами типа *знать*; *осознавать*; *известно, что...* и т. п.

Придаточные причины вместе со своим главным предложением выражают несколько суждений, которые не находятся во взаимно-однозначном соответствии с предложениями. В предложении

(38) *Так как удельный вес льда меньше удельного веса воды, лед удерживается на ее поверхности*
выражены три суждения:

(38i) *Удельный вес льда меньше удельного веса воды;*

(38ii) *Если удельный вес некоторого вещества меньше удельного веса воды, то это вещество удерживается на ее поверхности;*

(38iii) *Лед удерживается на поверхности воды.*

Суждение (38iii) можно было и не выписывать, поскольку оно вытекает из (38i) и (38ii). Однако ни (38i) и (38iii), вместе взятые, ни (38ii) и (38iii), вместе взятые, не передают полностью смысл данного предложения. Легко видеть, что в придаточном предложении:

(39) *Так как удельный вес льда меньше удельного веса воды*
выражено как суждение (38i) целиком, так и часть суждения (38ii). Вот почему это придаточное нельзя заменить другим с тем же истинностным значением: такая замена повлияла бы и на суждение (38ii) и, следовательно, могла бы изменить его истинностное значение.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в предложении:

(40) *Если бы удельный вес железа был меньше удельного веса воды, то железо удерживалось бы на ее поверхности.*

Здесь выражены два следующие суждения:

(40i) *Удельный вес железа не меньше удельного веса воды;*

(40ii) *Любое вещество удерживается на поверхности воды, если его удельный вес меньше удельного веса воды.*

В придаточном предложении здесь опять-таки выражено полностью одно суждение — (40i) — и часть другого суждения — (40ii).

Рассмотрим с этой точки зрения приведенный выше пример:

(26) *После того, как Шлезвиг-Гольштейн был отторгнут от Дании, возник конфликт между Пруссией и Австрией.*

Будем толковать это предложение как утверждающее, что Шлезвиг-Гольштейн был некогда отторгнут от Дании. Тогда естественно считать, что в (26) выражены два суждения:

(26i) *Шлезвиг-Гольштейн был некогда отторгнут от Дании;*

(26ii) В некоторой момент времени, более точно определенный в придаточном предложении, возник конфликт между Пруссией и Австрией.

И в этом случае в придаточном предложении оказывается выраженным не только суждение (26i), но и часть суждения (26ii). Поэтому мы не можем, вообще говоря, заменить придаточное в (26) любым другим предложением с тем же истинностным значением.

Трудно охватить все возможности естественного языка; тем не менее, я надеюсь, что мне удалось в основном вскрыть те причины, по которым придаточное предложение далеко не всегда можно заменить на любое другое с тем же истинностным значением так, чтобы это не отражалось на истинности сложноподчиненного предложения в целом. Вот эти причины:

1) либо денотатом придаточного не является его истинностное значение [der Nebensatz bedeutet keinen Wahrheitswert], поскольку оно выражает не самостоятельное суждение, а только часть такового;

2) либо денотатом придаточного является его истинностное значение, но при этом смысл придаточного содержит не просто одно суждение, но еще и часть другого.

Первая причина имеет место в одном из двух случаев:

а) когда слова употребляются с косвенным денотатом;

б) когда в предложении вместо какого-либо имени собственного употреблен неопределенно-указательный элемент.

Вторая причина имеет место, когда придаточное предложение как бы фигурирует дважды — один раз с обычным денотатом, второй раз — с косвенным, или же когда смысл некоторой части придаточного является одновременно частью другого суждения, которое вместе с суждением, непосредственно выраженным в придаточном, образует смысл всего сложноподчиненного предложения (то есть главного и придаточного, вместе взятых).

Проведенные рассуждения позволяют с большой степенью уверенности утверждать, что те случаи, когда одно придаточное нельзя заменить другим с тем же истинностным значением, не противоречат нашему главному тезису:

Денотатом [Bedeutung] предложения является его истинностное значение [Wahrheitswert], а смыслом [Sinn] — некоторое суждение [Gedanke].

Вернемся теперь к исходному пункту наших рассуждений.

Итак, мы нашли, что выражения $a=a$ и $a=b$ имеют в общем случае различную познавательную ценность. Это объясняется тем, что для познавательной ценности предложения важен не только его денотат, то есть его истинностное значение, но и его смысл, то есть выраженное в нем суждение. Если имеет место $a=b$, то денотат a идентичен денотату b и истинностные значения выражений $a=a$ и $a=b$ одинаковы. Однако смысл выражения b может отличаться от смысла выражения a , и тем самым суждения, выраженные соответственно $a=a$ и $a=b$, будут разными; поэтому-то эти предложения имеют разную познавательную ценность. Если под словом *утверждение* [Urteil] мы будем подразумевать переход от суждения к его истинностному значению, как мы это делали выше, то мы сможем сказать, что и соответствующие утверждения в случаях $a=a$ и $a=b$ также различны.

Перевод с немецкого Е. Э. Разлоговой

Впервые опубликовано в: СиИ, № 8, 1977 г, с. 181-210.